

ления того противорѣчія, которое заключается въ общественномъ жизнепониманіи. Главное проявленіе этого противорѣчія заключается въ томъ, что при общей войсковой повинности всякій гражданинъ, дѣлаясь солдатомъ, становится поддержателемъ государственнаго устройства и участникомъ всего того, что дѣлаетъ государство и законность чего онъ не признаетъ.

Правительство утверждаетъ, что войска нужны преимущественно для внешней обороны, но это несправедливо. Они нужны прежде всего противъ своихъ подданныхъ, и всякій человѣкъ, отбывающій воинскую повинность, невольно становится участникомъ всего насилія государства надъ своими подданными.

Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что каждый человѣкъ, исполняющій воинскую повинность, становится участникомъ такихъ дѣлъ государства, которыя онъ не признаетъ и не можетъ признать, пусть всякій вспомнить только то, что творится въ каждомъ государствѣ во имя порядка и блага народовъ и исполнителемъ чего всегда является войско. Всѣ междоусобія династическія и различныхъ партій, всѣ казни, сопряженныя съ этими смутами, всѣ подавленія возстаній, всѣ употребленія военной силы для разогнанія скопищъ народа, подавленія стачекъ, всѣ вымогательства податей, всѣ несправедливости распределенія земельной собственности, всѣ стѣсненія гряда — все это производится, если не прямо войсками, то полиціей, поддерживаемой войсками. Отбывающій воинскую повинность становится участникомъ всѣхъ этихъ дѣлъ, дѣлъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сомнительныхъ для него, но во многихъ случаяхъ прямо противныхъ его совѣсти. Люди не хотятъ уйти съ той земли, которую они обрабатывали поколѣніями; люди не хотятъ разойтись, какъ того требуетъ правительство; люди не хотятъ платить подати, которыя съ нихъ требуютъ; люди не хотятъ признать для себя обязательности законовъ, которые не они дѣлали; люди не хотятъ лишиться своей національности, — и я, исполняя воинскую повинность, долженъ придти и бить этихъ людей. Не могу я, будучи участникомъ этихъ дѣлъ, не спросить себя, хороши ли эти дѣла? И слѣдуетъ ли мнѣ содѣйствовать исполненію ихъ?

Общая воинская повинность есть для правительства послѣдняя степень насилія, необходимая для поддержанія всего зданія; для подданныхъ же она есть послѣдній предѣлъ возможности повиновенія. Это есть тотъ камень замка въ сводѣ, который держитъ стѣны и извлеченіе котораго рушитъ все зданіе.

Пришло время, когда все усиливающаяся и усиливающаяся злоупотребленія правительства и борьба ихъ между собой сдѣлали то, что отъ cadaго подданнаго по-

требовались такія не только матеріальныя, но и нравственныя жертвы, при которыхъ каждому пришлось задуматься и спросить себя: могу ли я принести эти жертвы? И во имя чего долженъ я приносить эти жертвы? Жертвы эти требуются во имя государства. Во имя государства требуется отъ меня отреченіе отъ всего, что только можетъ быть дорогому человѣку: отъ спокойствія, семьи, безопасности, человеческого достоинства. Что же такое это государство, для котораго требуются такія страшныя жертвы? И, для чего оно такъ необходимо нужно?

«Государство», говорятъ намъ, «необходимо нужно, во-первыхъ, потому, что безъ государства я и всѣ мы не были бы ограждены отъ насилія и нападенія злыхъ людей; во вторыхъ, безъ государства мы бы были дикими и не имѣли бы ни религіозныхъ, ни образовательныхъ, ни воспитательныхъ, ни торговыхъ, ни путе-сообщительныхъ, ни другихъ общественныхъ учреждений; и, въ третьихъ, потому, что безъ государства мы бы были подвержены порабощенію насъ соседними народами».

«Безъ государства», говорятъ намъ, «мы бы были подвержены насиліямъ и нападеніямъ злыхъ людей въ нашемъ же отечествѣ».

Но кто же эти среди насъ злые люди, отъ насилія и нападенія которыхъ спасаетъ насъ государство и его войско? Если три, четыре вѣка тому назадъ, когда люди гордились своимъ военнымъ искусствомъ, вооруженіемъ, когда убивать людей считалось доблестью, — были такіе люди, то вѣдь теперь такихъ людей нѣтъ, а всѣ люди нашего времени не употребляютъ и не носятъ оружія, и всѣ, исповѣдая правила чловѣколюбія, состраданія къ ближнимъ, желаютъ того же, что и мы, — только возможности спокойной и мирной жизни. Такъ что теперь уже нѣтъ тѣхъ особенныхъ насильниковъ, отъ которыхъ государство могло защищать насъ. Если же подъ людьями, отъ нападенія которыхъ спасаетъ насъ государство, разумѣть тѣхъ людей, которые совершаютъ преступленія, то мы знаемъ, что это не суть особенныя существа, вродѣ хищныхъ звѣрей между овецъ, а суть такіе же люди, какъ и всѣ мы и, точно такъ же не любящие совершать преступленія, какъ и тѣ, противъ которыхъ они ихъ совершаютъ. Мы знаемъ теперь, что угрозы и наказанія не могутъ уменьшить количества такихъ людей, а уменьшаетъ его только измѣненіе среды и нравственное воздѣйствіе на людей. Такъ что объясненіе необходимости государственнаго насилія огражденіемъ людей отъ насильниковъ, если и имѣло основаніе три, четыре вѣка тому назадъ, теперь не имѣетъ никакого. Теперь скорѣе можно сказать обратное: именно то, что дѣятельность правительства съ своими, оставшими отъ